

Ермизина А.Д.

студентка РГУП им. В.М. Лебедева.

СОВРЕМЕННОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДОГОВОРНОЙ ТЕОРИИ: ОТ «ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА» К «ЦИФРОВОМУ ГРАЖДАНСТВУ»

Аннотация: статья посвящена анализу эволюционного развития договорной теории происхождения государства в рамках развития мыслей Т. Гоббса и Дж. Локка к современному прочтению в рамках процесса глобализации и цифровизации. В рамках изучения данного вопроса сформировалась гипотеза о трансформационном изменении концепции «общественного договора» в модель так называемого «цифрового гражданства», когда отношения между отдельными индивидами и государством рассматриваются в рамках новых, имплицитных форм и соглашений.

Ключевые слова: договорная теория, цифровое гражданство, государство, цифровое гражданство, суверенитет.

Теория происхождения государства, получившая название «договорной» прошла полноценный путь развития от истоков в виде идей Гуго Гроция, Томаса Гоббса и Дж. Локка в XVII–XVIII вв. вплоть до современного прочтения исследователями, при этом оставаясь одной из влиятельных научных парадигм. Основная идея данного подхода заключается в том, что легитимность государственной власти базируется не на божественном начале, а на согласии управляемых, что в некоторой степени стало основой для современных демократических систем управления в государстве. Однако в рамках стремительной цифровой трансформации, появлению и повсеместному использованию цифровых платформ, вопрос о релевантности основных постулатов «договорной теории» становится наиболее актуальным.

Теория общественного договора в своем классическом значении, представляет собой учение о происхождении государства, по мнению Г. Гроция, с помощью власти, создаваемой людьми как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы» [4, с. 70]. Данная концепция рассматривалась и в рамках работ Т. Гоббса, который изложил свои

основные идеи по этому вопросу в трактате «Левиафан» в 1651 году. По его мнению, естественное состояние для всех «это война против всех» [], при этом в этой войне нет ни собственности, ни справедливости, а главным законом является «право каждого на все» [3, с.106]. Жизнь в подобном состоянии, по мнению исследователя, «одинокa, бедна, беспросветна и кратковременна» [3, с. 123]. Единственный выход из данного состояния это заключение общественного договора, по которому индивиды добровольно передают свои естественные права (кроме права на жизнь) единственному суверену - государству, в обмен на безопасность. Таким образом, Т. Гоббс рассматривает общественный договор как гарантию выживания, предоставляемой государством «как защитника и верховного арбитра» [3, с. 203].

Что касается Дж. Локка, то он своим произведением «Два трактата о правлении» предлагает более оптимистичную концепцию образования государства. Согласно его мнению, естественное состояние связано со свободой, равенством, которые регулируются естественным законом. Предписывающим не вредить друг другу. При этом в некоторых вопросах, например в спорах о собственности, у индивидов отсутствует беспристрастный судья. Отсюда вытекает мысль о том, что общественный договор создается не для создания государства как такового, а для учреждения независимого судьи, который бы разрешал споры и защищал естественные права человека. При этом власть государства не абсолютна, так как ограничена законом и естественными правами людей, которые в случае посягательства на них, могут оказать сопротивление. Таким образом, согласно концепции Дж. Локка договор не есть отчуждение прав, а их институциональная защита, при этом государство «ночной сторож» [6, с.206], а не всемогущий Левиафан.

Сравнивая эти два подхода, становится ясным, что у Т. Гоббса появление государства связано с чувством страха, когда как у Дж. Локка государство и теория договора эквивалентны «неудобству» [1, с. 2]. Потому в первом случае отчуждаются все естественные права, а во второй концепции лишь та часть прав, что необходима для защиты остальных. Именно эти концептуальные различия

заложили основу для развития двух концепций политической мысли: этатистской и либеральной.

Однако сегодня эти политические концепции переживают эволюционные изменения, связанные с переходом к постиндустриальному обществу, цифровой эпохе. Последняя привнесла в современное общество новые объект регулирования, потому можно говорить о появлении нового имплицитного «общественного договора» - договора о цифровом гражданстве. В рамках этой парадигмы классическая «тройка» - индивид, общество, государство, начинает включать в себя мощный четвертый элемент-транснациональные технологические корпорации, которые сегодня выполняют функции цифровых суверенов [1].

Если согласно концепциям Т. Гоббса и Дж. Локка, договор заключался между индивидом и государством, то сегодня роль государства в некоторой степени передается цифровым платформам. Регистрируясь в рамках цифровой платформы, индивид подписывает пользовательское соглашение, которое по своей сути представляет передачу прав. В обмен на удобство пользователи передают свои персональные данные, выступающие как новый вид ресурса, приобретающий сегодня черты схожие с классической собственностью. Этот обмен можно рассматривать как прототип гоббской теории: индивид передает часть своих прав, жертвуя так называемым «цифровым суверенитетом» для своей безопасности, комфорта и доступа к достоинствам цифровой среды.

При этом стоит отметить, что роль современного государства трансформируется и изменяется, при этом приобретает сложный многоаспектный характер. С одной стороны, государство все еще пытается сохранить роль локковского «арбитра», пытаясь устанавливать свои собственные правила для цифровых платформ, например, с помощью различных нормативных актов. С другой стороны, государство само становится частью огромного цифрового пространства, потому возникает необходимость переосмысления роли государства в связи с условиями жесткой конкуренции, постоянного распределения собственных функций в рамках нового «киберпространства».

Важнейшим вектором данной трансформации государственной роли в рамках теории общественного договора стало его переосмысление в рамках гаранта и куратора «цифровых прав» граждан. Как уже указывалось выше, в классическом понимании общественный договор гарантировал право на естественные права, то есть на жизнь, свободу в физическом реальном мире, то его цифровая проекция создала необходимость расширения спектра прав. Современное государство осознает появление новых проблем, связанных с цифровым пространством, например, киберпреступность, нарушение прав интеллектуальной собственности, угроза национальной безопасности и др. На основании этого государство все большее внимание уделяет праву на цифровую приватность и автономию личности в этом аспекте. Так, например, в рамках этого были приняты новые нормативные акты, которые установили новый мировой стандарт в области обработки персональной информации. Эти принятые правовые нормы не просто ограничили действия цифровых платформ, но и четко регламентировали их действия, при этом государство позиционирует себя как защитника гражданина перед лицом могущественных «негосударственных» акторов цифровой среды. Именно этот аспект помогает государству восстановить авторитет и свою легитимность [7].

Параллельно с приватностью государство также актуализирует право людей на цифровое участие, которое подразумевает не только доступ к сети интернет, который сегодня уже понимается как социальное благо, подобно электричеству, но и защиту фундаментальных свобод – слова, ассоциаций, доступа к правдивой информации. В данном ключе через правовое регулирование происходит выстраивание контуров социального контракта, адаптируемого к вызовам цифровизации.

Вторым важным вектором трансформации стало переопределение государства в провайдера цифровых публичных услуг. Это представляет собой сдвиг от патерналистской бюрократии к цифровым сервисам. То есть государство все больше использует в своей деятельности цифровые технологии для того, чтобы сделать исполнение своих прямых обязанностей более эффективным,

удобным и прозрачным. Например, применимо к российской действительности, был создан портал государственных услуг, внедрены системы электронного документооборота, цифрового идентификатора, автоматизированы системы уплаты налогов и др. В рамках обновленной цифровой реальности гражданин делегирует государству часть своих персональных данных, при этом получает взамен не абстрактные блага, а конкретные качественные услуги. Легитимность власти в этой новой парадигме начинает все более зависеть от скорости и надежности цифровых сервисов, что создает взаимозависимость, при которой доверие и лояльность граждан по отношению к государству напрямую зависит от того насколько эффективно работает цифровая платформа [5].

И наконец, третий и наиболее конфликтный аспект трансформации роли государства – это борьба за цифровой суверенитет. Государство сегодня сталкивается с тем, что «цифровая власть» все больше сосредотачивается в руках транснациональных корпораций, которые обладают собственными, неподконтрольными государству экосистемами. В данной ситуации вопрос цифрового суверенитета встает особо остро, так как государство должно продолжать контролировать цифровые активы и потоки данных, имеющих в первую очередь значение для национальной безопасности. Государство в условиях новой реальности использует некоторые инструменты, например введение различных законов, обязывающих крупные компании хранить личные данные пользователей на национальной территории, платить налоги с цифровых операций и др [2].

На основании представленных идей и фактов становится ясным, что в этой суверенной функции возникло неразрешенное противоречие новой роли государства в рамках «цифрового гражданства». С одной стороны, государство позиционирует себя как защитник цифровых свобод и прав граждан, в том числе от посягательств со стороны крупнейших корпораций. С другой стороны, для обеспечения безопасности и суверенитета государство вынуждено внедрять новые системы безопасности, тотального мониторинга, контроля за всеми цифровыми коммуникациями. Расширение полномочий специальных служб,

биометрия – это меры, которые оправдываются логикой национальной безопасности, могут создавать риски установления цифрового авторитаризма со стороны государства. При таком раскладе государство само становится угрозой для прав и свобод своих граждан, защиту которых оно и провозгласило.

Таким образом, в условиях современности государство оказывается в роли стратегического регулятора, который разрывается между необходимостью быть защитником прав и свобод в их «естественном состоянии» и возможностью стать новым цифровым Левиафаном, власть которого основана не только на общественном договоре, но и на тотальном контроле. Балансирование в подобных условиях является сегодня важнейшим вызовом, в рамках которого государству стоит найти равновесие между эффективностью, свободой и безопасностью в рамках нового «цифрового гражданства».

Список литературы

1. Андрейченко, А. С. Эволюция договорной теории происхождения государства и ее оценка в современной юридической науке // Новый юридический вестник. — 2022. — № 1 (34). — С. 1-5.
2. Гаркуша В.Н. Цифровая цивилизация, цифровое мышление и цифровая культура // Информация-Коммуникация-Общество. 2023. Т. 1. С. 55-59.
3. Гоббс Т. Левиафан. Москва : Мысль, 2001. - 478 с.
4. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права. — М.: Ладомир, 1994. — 347 с.
5. Кравец И.А. Цифровое гражданство и конституционные вызовы в информационном и алгоритмическом обществе // Сравнительное конституционное обозрение. 2023. № 2(153). С. 93-123.
6. Локк Дж. Два трактата о правлении. [пер. с англ. Е. С. Лагутина и Ю. В. Семенова]. Челябинск : Социум, 2014. – 480 с.
7. Морозова, Л. А. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА М, 2020. — 464 с.